

*Людям с широким кругозором ведомо,
что четкой границы между реальным
и воображаемым не существует.*

Говард Филлипс Лавкрафт

ПРОЛОГ

11 сентября 2015 года, пятница, 00:57.

Это больше нельзя терпеть. Я должен это остановить.

Стоя посреди опустевшей комнаты, Владимир Романов разглядывал разбитые напольные часы, валявшиеся на полу. Стрелка замерла три часа назад, за окном уже давно перевалило за полночь. Мужчине с трудом удавалось дышать. Он знал, что за каждым его шагом, каждым движением наблюдает пара зорких глаз. Они никогда не отпускали и вряд ли отпустят. Он перепробовал все, но ничего не помогло.

Серебряный луч луны, выглянувшей из-за туч, прорезал пространство комнаты, осветив уныло торчащую с потолка люстру с разбитыми лампочками и покрытые надписями обои, чей рисунок уже невозможно было разглядеть под нагромождением изображений и символов. Владимир рисовал их целыми днями, хотя ему приказывали остановиться. Он упорствовал, за что не раз мучился от кошмарных ночных видений. Но больше это не повторится, он положит этому конец. А главное — защитит свою дочь.

Мужчина стоял посреди пустой комнаты и старался не думать о том, что ему предстоит совершить. Взяв ломик, он двумя ловкими ударами сбил люстру с крюка, на котором она провисела, наверное, последние двадцать лет. Затем босыми ногами отодвинул острые обломки, даже не пытаясь избежать порезов. Боль только прибавила ему решительности — так больше не может продолжаться. Если он не выдержит, то сотни людей умрут.

Он вытащил из коридора стул и поставил его под крючком люстры. Кожу на ногах саднило и колело от боли. Владимир никогда не думал, что для него все так закончится. Смотав простыню в подобие каната, он поднялся на стул и привязал один конец к крюку в потолке. Непослушные пальцы никак не желали связывать петлю. В голове стучала мысль, что все еще можно остановить, если только связаться с нужными людьми и попросить о помощи. Но Владимир знал, что даже они не смогут справиться с тем, с чем он столкнулся.

Луна успела переместиться, и теперь вся его комната была залита потусторонним магическим светом, в котором каждый предмет, отбрасывавший тень, приобретал новые, чудовищные очертания. Взгляд непроизвольно скользнул по разбитому зеркалу, которое не хватило сил вытащить в коридор или кладовку. По его поверхности паутиной разошлись трещины — результат удара, которым Владимир попробовал себя обезопасить. Глаза уставились на собственное отражение, которое больше напоминало ему пациента психлечебницы. Даже мятая белая роба на мужчине была соответствующая.

А я ведь такой и есть, — попытался в последний раз успокоить он себя. — Никто другой не видит того, что вижу я...

Из полированной зеркальной поверхности на него уставились два алых гневных глаза, словно пытавшихся сжечь его на месте. От ужаса Владимир только лихорадочно заработал руками, перебирая пальцами петлю и заталкивая в неё голову, стягивая самодельную удавку на шее.

— Убей их... — шептали ему голоса, которые для него после долгих часов, проведенных в одиночестве, слились в один, потусторонний. — Убей их... У тебя нет выбора... Ты останешься жить...

Он знал, что это всего лишь уловка, чтобы заставить его выполнить требование той злобной сущности, что смотрела на него из глубин зеркала. В сиянии луны угадывались её исполинские очертания. Владимир не был намерен лишать жизни кого-либо. К тому же было ясно, что его не оставят в живых ни при каком исходе.

— Не делай этого, — захрипел голос у него в ушах, словно говорящий был рядом и дышал прямо в затылок. Мужчина огля-

нулся, хотя знал, что в комнате никого нет. — Ты еще можешь сослужить мне хорошую службу. Я вознагражу тебя за верность.

Оно испугалось его намерения, значит, не все в *его* власти. *Оно* не способно диктовать ему свою волю, иначе бы он не взобрался на этот стул и не накиннул петлю. Он нарушит все *его* планы раз и навсегда, а тайна отправится вместе с ним в иной мир. Главное, чтобы был найден ключ к разгадке, чтобы можно было спасти невинных. Владимир молился о том, чтобы все сложилось так, как было задумано.

Бросив решительный взгляд на обитателя зеркала, он выпалил:

— Ты ничего не сможешь сделать! Без меня ты ничто!

Неожиданно стул под ним закачался, заходил ходуном, перекачиваясь из стороны в сторону, словно палуба судна в бушующем море.

Нет, слишком рано!

Потеряв равновесие, стул опрокинулся набок. Владимир повис на крюке, петля мгновенно затянулась на шее, пережав дыхательные пути и сломав подъязычную кость. Однако Владимир еще доли секунды задыхался. Он успел увидеть, как со стеклянной поверхности на него снова смотрели холодные, безжалостные глаза. Он хотя бы *ему* помешает. Даже если это уже не остановить.

Свет луны неторопливо покинул комнату, оставив помещение в кромешном мраке. На рассвете первые лучи солнца озарили медленно раскачивавшийся труп висельника, подобный маятнику Фуко.

Киевский вокзал, пятница, 6:37.

Поезд не должен был опаздывать, и Валерия Солнцева радовалась, что скоро избавится от неподъёмных чемоданов, которые на неё свалил этот самодовольный подонок. Кипя от ярости, она шествовала по перрону к составу, который стал для неё как будто средоточием надежды и свободы одновременно. Муженёк даже не догадается искать её здесь, чему она была несказанно рада.

Сам же виноват, скотина тупая.

Все эти безумные, бессмысленные и изматывающие нервы выходки продолжались последние десять лет, не дав им даже завести и вырастить детей. Для Валерии это было лишним поводом, чтобы навсегда уйти от того, в ком она так обманулась. Он не давал ей жить, как подобает уважающей себя женщине: после любой её покупки начинался допрос с пристрастием о цене и веских причинах для траты столь невероятных средств. Чета Солнцевых даже не могла позволить себе закончить бесконечный ремонт в своей квартире, поскольку этот ленивый боров пролеживал штаны на диване перед телевизором, не давая ей взять дело в свои руки.

Слушая мерное постукивание катящихся по мостовой перрона колесиков чемодана, Валерия глотала слезы обиды и сгорала от желания столкнуть свою ношу на рельсы и броситься бежать куда глаза глядят. Ей хотелось выплакаться кому-нибудь, но приходилось сохранять каменную невозмутимость, даже перед собственным отражением в зеркале. Солнцев выгнал её из квартиры, чтобы впоследствии наверняка привести туда какую-нибудь шлюху, в наличии которой у своего муженька Валерия даже не сомневалась. Но ничего, она ему еще устроит кузькину мать.

Перебирая в голове самые разнообразные варианты развития их будущего разговора, который неминуемо закончится обоюдным согласием на развод, Валерия подала билет проводнице и, что-то буркнув из вежливости, проследовала в своё купе. Наполнявшая её душу горькая обида, от которой горло сжалось до размеров соломинки, не давала ей обратить внимание на весьма комфортабельный интерьер вагона. Мысли женщины были полностью сосредоточены на себе.

Валерия отыскала нужный номер и едва успела вновь придать своему лицу невозмутимый вид, чтобы не привлечь излишнего внимания соседей по купе, с которыми предстояло ютиться всю предстоящую ночь. В дверях она чуть не столкнулась со своим единственным, по всей видимости, попутчиком. Ей едва удалось протиснуться внутрь мимо высоченного детины, от которого разило табаком. Попутчик торопливо покинул купе.

Вот уж не повезло!

Валерия затащила свой чемодан в тесное пространство и остановилась перед нижней полкой. Ей не верилось, что она так поступает, но то была суровая реальность, от которой некуда было деться. Она покидала столицу, возможно, насовсем, чтобы никогда больше не воскрешать в памяти неприятные до омерзения события. Солнцева, не глядя, подняла полку и зафиксировала её на скрипучих опорах, после чего стала машинально заталкивать под неё свой багаж.

«*Не зря говорят, что все мужики — сволочи!*» — думалось ей с горечью, пока она провожала гневным взглядом вышедшего из вагона здоровяка, с которым ей придется разделить купе. Этот поди тоже женским вниманием не обделен, судя по мускулам, которые не могла скрыть свободная футболка. Они, кобели, для того их качают, чтобы партнерш менять как перчатки! Вот ведь...

Её мысленная тирада была прервана, когда даже после пятого толчка чемодан не поддался и не захотел устраиваться в положенное ему место. Зная, что, несмотря на свои приличные размеры, этот спутник для путешествий всегда помещался под спальную полку, Валерия насторожилась и вытащила чемодан обратно. До её ушей донеслось тихое попискивание, раздававшееся снизу.

Женщина склонилась над пустым пространством и смогла разглядеть то, что укрылось от неё в утренних тенях. Размером с авоську предмет был снабжен таймером, по которому стремительно убегали в сторону уменьшения горевшие красным циферки. В первых двух слотах безраздельно властвовали нули. До одурманенного собственными проблемами разума Валерии не сразу дошло, что именно она видит перед собой.

В момент осознания она громко завопила, призывая проводника на помощь, хотя на задворках сознания понимала, что времени уже не осталось. Бег символов, которые она даже не успела распознать, прекратился. Уши раздавил оглушительный грохот, а стена жара ударила в грудь, ломая кости и разрывая плоть.

В 6:55 утра на Киевском вокзале произошёл мощный взрыв, не оставивший от одного из составов дальнего следования ничего, кроме подвесок с колесами.

ГЛАВА 1

Маргарита Романова уже в третий раз набирала номер лучшей подруги, сидя за столиком на фудкорте торгового центра на Земляном Валу. Даша никогда не отличалась особой пунктуальностью и обязательностью, но подобное даже для неё было чересчур. Наверняка случилось нечто нехорошее.

Марго с досадой вздохнула, завершила вызов, положила телефон на столик и стала безучастно водить взглядом по людям вокруг. В колонне, отделанной полированным мрамором, она смогла разглядеть свое отражение. Машинально поправила прическу и удовлетворенно хмыкнула.

В отражении она увидела все ту же двадцатичетырехлетнюю девушку, недавно окончившую университет и все еще искавшую себя в этом мире. Бледная кожа, крупные карие глаза, чуть вздернутый носик, придававший ей несколько самоуверенный вид. Каштановые волосы, собранные на затылке в пучок. Она подняла стакан своего любимого вишневого сока и сделала пару глотков, продолжая оглядываться вокруг.

Куда же запропастилась Даша?

Марго следовало сразу догадаться, что подруга не явится на встречу, и это повлечет за собой срыв всех последующих планов на день. Видимо, именно к этому ей приснился тот странный сон.

В нем она видела распростертую так далеко, как хватает горизонता, песчаную пустыню. Посреди барханов возвышалось странное сооружение. Египетская четырехугольная пирамида из темного камня — базальта или мрамора. Вокруг неё свистел вихрь. Со стороны сооружение производило такое впечатление, будто оно было совершенно гигантских размеров.

Ничего подобного прежде ей не снилось, а Марго, хоть и частично, но доверяла сновидениям. Пару раз у неё были вещи сны, она переживала дежавю: когда в реальности видела имен-

но того человека, именно в той одежде, сказавшего именно те слова именно той интонацией, как это было во сне накануне или ранее. Порой её сны были, казалось бы, бредовыми, но поутру сонник открывал ей возможные варианты толкования увиденного. Так девушка смогла, по сути, предсказать смерть своей матери: ночью накануне ей приснилось, что она в своей квартире находится посреди затопленной Москвы, что сулило беды.

Оправив тонкую светлую блузку, Марго снова взяла телефон и вбила в поисковик слова «пирамида» и «сонник». Тут же выскочило 3 варианта. Сонник Фрейда она сразу отмела, так как никогда не питала уважения к этому помешанному на сексе старику. Одна трактовка утверждала, что ей скоро предстоит кардинально изменить свою жизнь. *Хотелось бы знать в чем?* Другая подразумевала далекое путешествие. Третья предполагала предстоящее противостояние с сильным полом.

— Мда-а-а-а... — задумчиво протянула вполголоса Марго, не обращаясь ни к кому. — Понятнее не стало.

Заблокировав смартфон, она уставилась в пространство и стала размышлять. К каким деталям её жизни можно было отнести трактовки сновидения о пирамиде? Она понимала, что следовало бы освежить в памяти и варианты толкований касательно пустыни, песка и черного камня, но решила растянуть себе удовольствие.

Кардинально изменить свою жизнь она могла разве что удачно устроившись на работу. А выпускнице факультета журналистики МГУ, несмотря на расхожее мнение, это было весьма непросто сделать. Выпускников с каждым годом становилось все больше, а работы не прибавлялось. К тому же в Москве требовали молодых специалистов с уже непомерным опытом работы, которого у неё не было. Несмотря на то, что несколько её статей на тему истории искусств были опубликованы в престижных российских научных журналах, никаких бонусов это ей все равно не давало. Она понимала, что в нынешних условиях для стремительного взлета по карьерной лестнице необходимо писать о чем-то злободневном. Например, о политике, протестах, коррумпированных чиновниках, их заграничных виллах и дачах,

о заговорах и лжи властей и прочее. А ей подобный материал претил.

Чтобы отвлечься от нерадостных мыслей об отсутствии видимых жизненных перспектив, Марго, опершись локтем на столик, снова обвела глазами фудкорт. Людей за столиками было немного, час обеда лишь предстоял. Среди непримечательных лиц ее внимание привлек коренастый мужчина в коричневой толстовке, привалившийся к парапету у лифта. *Даже странно, что тот его выдерживает*, подумалось Марго. Здоровяк уткнулся в газету с объявлениями о поиске работы.

Не я одна такая несчастная.

Она снова вернулась к толкованиям своего сна. *Путешествие... Ага, если бы на него были деньги...* А противостоянию с противоположным полом она и так нашла подходящее объяснение. Очередной конфликт с отцом, непримиримым сторонником правоохранительной системы, убежденным в её совершенстве. Как будто это не она погубила мать. Это положило начало семейному разрыву.

Незнакомец в толстовке свернул газету и пристальным взглядом посмотрел на Марго. Заметив это, она сразу насторожилась. Демонстративно активировала телефон и уставилась в новостную ленту. Затем снова вернулась в сообщения, проверила, есть ли новости от Даши. Громила уверенно зашагал к ней и остановился в паре шагов.

— Боюсь, Дарья не сможет составить вам компанию, — проговорил он, явно обращаясь к ней.

Марго подняла на него слегка прищуренные глаза. Он был средних лет. Квадратная челюсть бывалого мордovorота была гладко выбрита. В глубоко сидящих серых глазах под густыми бровями чувствовались интеллект и пронизательность. Лоб слегка морщинистый, русые волосы пострижены под ежик. Голос низкий, интонации уверенные.

— Вы с ней знакомы?

— Нет, но она отлично помогла мне вас выловить из общего потока, — ответил незнакомец с ухмылкой.

— Что вам нужно от меня? — Марго внимательно следила за его руками, мгновенно схватив сумочку.

Отец учил её не только не доверять незнакомцам и не общаться с ними, но и уметь давать им отпор.

— Всего лишь хочу поговорить с вами, — уверенно и спокойно сказал здоровяк. — Федеральная служба безопасности Российской Федерации.

Из кармана ветровки он достал красные корочки и раскрыл их. Марго взглянула на фото (как всегда в таких документах, лицо было до неприличия кислым), молча прочла его данные.

Ковальский Александр Юрьевич, лейтенант.

Марго не нужно было даже спрашивать, что он имел в виду, говоря о Даше.

Он получил доступ к её звонкам. Айтишники взломали телефон её подруги или создали копию и отправили Марго сообщение от лица Дарьи с просьбой о встрече. Кто в назначенное время и место явился, тот и был Романовой Маргаритой Владимировной. Никакие уловки, вроде съемной квартиры, оплаты наличными, использования услуг частных клиник, не помогли ей скрыться.

Папа все-таки нашел меня через коллег...

— Чем могу вам помочь, Александр Юрьевич? — с прищуром уставилась на федерала Марго. — Надеюсь, ваша маленькая ловушка достаточно вас повеселила.

— Это не более чем жесткая необходимость, Маргарита Владимировна, — ответил ей Ковальский, доставая из кармана фотокарточку. — Для начала я хотел бы, чтобы вы взглянули на это фото.

Он протянул ей карточку изображением вниз, как крупье в казино раздает игрокам карты. Нахмутив брови, Марго взяла фото и развернула. На осознание ей хватило доли секунды. Её рот в ужасе раскрылся, глаза округлились, она непроизвольно застонала. Затем резким движением перевернула карточку и положила на стол.

— Нет... — промолвила она. — Только не говорите, что...

— Боюсь, так оно и есть, — холодным голосом, но с сочувствием в глазах проговорил Ковальский. — Ваш отец совершил самоубийство.

ГЛАВА 2

Александр Ковальскому нередко приходилось сообщать родственникам сотрудников ФСБ прискорбные вести, но именно в этот раз у него чаще забилось сердце. Он сам не мог понять, что вызвало такую реакцию. Может быть, то самое обстоятельство, о котором он предпочел умолчать перед своим начальством.

Он дал Маргарите Романовой минуту на то, чтоб прийти в себя и собраться с мыслями. Ковальский видел, что девушке это далось с трудом, но она не разразилась рыданиями, как он того ожидал. Она закусила нижнюю губу, отвела взгляд и смотрела куда угодно, но только не на гонца с дурной вестью. По щекам пробежали две мокрые дорожки, которые она поспешно утерла. Затем глубоко вдохнула и выдохнула. Голос её был глухим всего несколько секунд:

— Вы уверены, что он покончил с собой?

Хотя Ковальский был готов к такому вопросу, он не мог не признать: было показательно, что девушка его задала.

— Это официальная версия, Маргарита Владимировна...

— Зовите меня просто Марго, — перебила она, подняв вверх ладонь. — Прошу вас.

— Хорошо, — ответил он, стараясь говорить вполголоса. — Так вот, сейчас это официальная версия, но тело обнаружили только этим утром, поэтому расследование в самом разгаре. Мы отрабатываем все возможные варианты и хотели опросить всех родственников вашего отца. Чтобы проверить, насколько это вероятно.

— Мы? — удивленно спросила Марго.

— Я и мои коллеги по следственной бригаде, — пояснил Ковальский. — Они ожидают меня в служебном помещении торгового центра. Хотели бы поговорить с вами наедине.

Он красноречиво показал на людей вокруг. Несмотря на то, что их разговор никто не слышал, проводить допрос в подобных условиях было не самой лучшей идеей. Он был уверен, Марго тоже это понимала.

Девушка решительно поднялась, забрала телефон со столика, положила его в сумочку, расправила темно-серые брюки и сказала:

— Хорошо, я согласна. Ведите.

Ковальский грузно поднялся со стула, и они направились в служебные коридоры торгового центра на окраине фудкорта. Здесь время от времени проходили сотрудники то кинотеатра, то магазинов, то забегаловок. Гул посетителей затих, как только за спиной закрылись металлические двери. Ковальский шел рядом с Марго, чуть впереди, указывая путь.

— Зачем был нужен весь этот маскарад с Дашей? — спросила Марго, когда они достаточно сильно отделились от фудкорта.

— Вы не оставили нам выбора, — ответил Ковальский, не оборачиваясь. — Если бы вы фактически проживали по месту жительства, то получили бы повестку сегодня же утром. Но поскольку это не так, пришлось выкручиваться. Дело очень срочное. Прошу прощения, если я вас напугал.

— Не напугали, — возразила Марго. — Мне не впервой иметь дело с сотрудниками ФСБ и их методами. Но почему я вам так срочно понадобилась?

— Ваш отец работал над одним очень важным делом. И теперь без него все может в последний момент развалиться...

После нескольких поворотов по гулким одинаковым коридорам они оказались перед дверями служебного помещения. Внутри были лишь стол и пара стульев. За одним сидел высокий худощавый мужчина лет пятидесяти с лицом, напоминавшим Марго советские памятники рабочим. Те же угловатые, грубые, словно небрежно вытесанные из камня, черты лица типичного крестьянина. Цепкие глаза-пуговицы, такая же короткая стрижка ежиком, как у Ковальского. Одет он был, в отличие от её спутника, в полноценный деловой костюм.

Рядом с ним стояла невысокая худая девушка в очках, в костюме с юбкой до колен и на невысоких каблуках. В руках она держала планшет.

— Маргарита Романова? — зычным голосом спросил мужчина сразу, как только Ковальский закрыл за ними дверь.

— Да, это я, — ответила она. — С кем я говорю?

— Полковник Альберт Ряховский. Вторая служба ФСБ, Управление по противодействию терроризму и политическому экстремизму. Я возглавляю следственную группу по делу о гибели вашего отца. С лейтенантом Ковальским вы уже знакомы, я полагаю. А это моя помощница Алиса.

— Очень приятно, — пискнула Алиса, поправляя очки в толстой черной оправе и утыкаясь в планшет, готовясь делать записи.

— Взаимно, — холодно сказала Маргарита и села на оставшийся свободным стул.

Здоровяк Ковальский занял дальний угол напротив неё по левую руку от своего шефа. Все трое внимательно уставились на Марго, отчего ей стало не по себе.

— Полагаю, вас уже ввели в курс дела? — спросил Ряховский.

— Не совсем, — честно ответила Марго.

— Ваш отец был найден мертвым сегодня утром в своей квартире. Повешенным в петле. Похоже на самоубийство.

— Но у вас есть основания сомневаться?

— Я много работал с вашим отцом, Марго, — сказал Ковальский, сложив крепкие руки на широкой груди. — Он был отличным сотрудником, а самое главное — психически устойчивым. Для тех, кто имел счастье с ним работать, было шоком узнать, что он наложил на себя руки. Поэтому мы хотели для начала побеседовать с вами, чтобы убедиться...

— Мой отец довольно часто проходил психиатрические и психологические освидетельствования, — перебила его Марго. — Как и любой сотрудник Федеральной службы. И ни одно из них ничего подобного не показало, иначе бы его уволили.

Альберт Ряховский смерил её недовольным взглядом. Он явно был человеком старой закалки и не терпел современную молодежь за её излишнюю своенравность.

— Проблема в том, что ваш отец не выходил на связь с нами последние два месяца, — мрачно проговорил Ряховский. — Вам об этом что-нибудь известно?

— Со мной он не выходил на связь еще дольше, — с легкой ноткой вызова проговорила Марго. — Поэтому мне об этом ничего не известно.

— Он вам не звонил? Не писал? — настороженно спросил Ковальский.

— Ни разу с тех пор, как... — Марго замолчала, подавляя слезы. Она не хотела казаться слабой перед этими людьми. Достаточно было того, что видел Ковальский на фудкорте. — Как умерла моя мать.

— Значит, вам ничего не известно о том деле, над которым он работал?

— Ровным счетом ничего, — покачала головой Марго.

— Что ж, тогда это тупик... — пробормотал Альберт, поднял голову и уставился в пространство над макушкой Марго.

— Я все зафиксировала, Альберт Рудольфович, — подала голос Алиса.

— Молодец, — махнул ей Ряховский. — Присовокупишь к материалам дела.

— Почему вы сомневаетесь, что это было самоубийство? — недоуменно спросила Марго. — Видно же, что он повесился!

Перед её мысленным взором снова предстало то фото. Крюк от люстры, к нему примотан самодельный канат из простыней, на полу виден опрокинутый стул. Отец висит в петле в полуметре от пола. Лицо посинело и опухло.

— Есть еще кое-что, — проговорил Ковальский, поглядывая на своего начальника.

Тот уловил его взгляд и молча кивнул, но с явным неудовлетворением. Ковальский взял у Алисы портфель, открыл его и достал еще пару фотографий. Он протянул их Марго. На первой был виден дальний участок стены за спиной покойника. Вся поверхность была исчерчена странными письменами. Местами обои были содраны, проглядывали участки голого бетона. Создавалось впечатление, что символы лихорадочно наносили друг поверх друга. Словно у писавшего было слишком много текста и недостаточно места на целой стене, и он стал писать одни символы поверх других. И только один из них четко проступал на фоне остальных. На втором фото он был заснят крупным планом.